

СО АН: ЛЮДИ И ГОДЫ

Главное в жизни — доброта!

Накануне восьмидесятилетия, которое пришлось на 21 февраля, мы побеседовали с замечательным человеком, учёным-геофизиком, Заслуженным деятелем науки РФ, академиком РАН, доктором технических наук, профессором, главным научным сотрудником ИНГГ СО РАН, любимым преподавателем не одного поколения студентов ГФ НГУ Юрием Николаевичем Антоновым.

— Детство моё было непростым. Родился я в Новосибирске в 1931 году, отец был родом из Колывани, мама — из Тобольска. Молодая семья сначала жила на ул. Крылова, в доме, собранном из деревянной бани, которую отец получил в наследство. Через три года после моего рождения родители переехали в новый коммунальный дом. В одном из углов двора особняком размещались стайки для скотины — в то время люди в основном опирались на своё хозяйство. Жили с соседями дружно, был даже Красный уголок, где проходили собрания и даже концерты самодеятельности.

Отец умер перед самой войной, в поезде, возвращаясь с Колымы, войну мы с мамой и сестрой пережили. Сестра, окончив десять классов в 1941 году, работала на «СИБСЕЛЬМАШе», я учился в начальной школе. Помню первого учителя — Андрея Николаевича Тамбовцева, с которым встретили войну. До войны на большой перемене нам приносили в класс булочки, с началом войны они становились всё меньше, темнее, а вскоре, в период первой военной зимы и вовсе исчезли из рациона школьников. Правда, на Красном проспекте во время войны детям давали в свою посуду порцию манной каши. Бесплатно. Однако это питание было недолгим... Особенно светлые воспоминания остались от первых классов школы. Уже тогда я был отмечен похвальными грамотами и даже бюстиком В.И. Ленина, на тыльной стороне которого был приклеен текст «...за хорошую учебу и примерное поведение».

С началом войны школы начали превращаться в госпитали. Мы переходили из одного здания в другое, периодические наш класс размещался в обычных домах, освобожденных от жильцов. Квартиры освобождали для эвакуированных из Москвы и Ленинграда, выселяя людей из квартир «с отправкой в село». Соседская семья (мать и пятеро детей) таким путем исчезла из нашего дома, мы чудом избежали этой участи.

Подрабатывать мы начали с первых летних военных каникул, участвовали в многоступенчатом процессе изготовления металлических пуговиц для военного обмундирования, за этот труд получали дополнительную (к детской) рабочую карточку на хлеб.

Кроме того, мы копнили сено, пололи сорняки на полях (вот уж противная работа!), копали картошку. Пайки хлеба по карточкам и картошка — это был основной рацион военных лет.

В 1945 году (с 6-го класса) пришлось бросить школу и пойти работать на Новосибирскую швейную фабрику «Сибодожда» рабочим. Вначале ремесником, затем механиком по ремонту швейных машин. Во время войны там шли в основном ватные чехлы для двигателей военных истребителей. Постепенно я начал разбираться в устройстве швейных машин и даже научился их ремонтировать. Работали в две смены по 12 часов, невзирая на возраст, кажется, вплоть до 1947 года.

Чехлы выпускались до конца 1946 года, ведь за годы войны всё производство работало исключительно на военные нужды. Постепенно фабрика переходила на пошив одежды: телогрейки, обмундирование.

— При таком напряженном рабочем дне времени, наверное, больше ни на что не оставалось. Но всё же были какие-то мальчишеские интересы, увлечения — рыбалка и так далее? Интересно, а во что играли дети тех лет, до войны?

— Вспоминаются чудные детские посиделки, рассказывали страшные истории, иногда было настолько жутко, что мурашки бегали по коже и волосы вставали дыбом. Слушали бесконечные повторы киношных сцен, которые все видели множество раз (кино было редким событием, один фильм шел в кинотеатре подолгу) — это были «Чапаев», «Ленин в Октябре», «Весёлые ребята» и другие. Старшие, которым позволялось ходить на Чарли Чаплина, артистично показывали смешные сценки. Спорили, перебивали друг друга и даже дрались.

Устраивали битвы на саблях, изготовленных из ивовых прутьев. Наши пальцы на правой руке постоянно были в ссадинах и крови от сражений. Играли в «разведчиков» с элементами прятков, в войну. А в годы войны ездили по Оби, старались добыть пропитание — рыбу, картошку и т.д.

Госпиталь для тяжелораненых бойцов, расположенный рядом с нашим домом, был целым отдельным миром. На территорию не пускали, но мы всё равно ухитрялись туда проникать, военные нас подкармливали, кроме того, только там можно было посмотреть кино, во время войны его больше нигде не

Юрий Николаевич Антонов — специалист с мировым именем по электромагнитным методам исследования в нефтегазовых скважинах разведочного и эксплуатационного бурения, автор более 150 научных публикаций, в том числе 5 монографий, 15 изобретений, включая 6 патентов. Его труды широко известны и получили признание как в нашей стране, так и за рубежом. Результаты исследований Ю.Н. Антонова по методу ВИКИЗ вошли в два издания

показывали. Раненые прятали нас от суровых дежурных врачей.

— А как вы решили продолжить учебу?

— В 1947 один работник комсомола районного масштаба настоятельно порекомендовал мне продолжить обучение в школе рабочей молодежи. Я подумал и согласился. В послевоенный период такая форма образования стала широко применяться по всей стране. В шестом классе я был самым молодым, одноклассники — в основном демобилизованные военные. Я преодолел 6 и 7 классы и в 1949 году, оставив фабрику, которой были отданы четыре года, поступил в Новосибирский техникум авиационной промышленности.

Я был зачислен, несмотря на далеко не блестящие оценки на вступительных. Этому предшествовала персональная беседа с директором Виктором Вениаминовичем Мануйловым. Обещание учиться, данное ему, я сдержал и окончил учебу с красным дипломом, правда, уже после армии.

Если первый этап учебы в техникуме продолжился около двух лет и был связан с отделением холодной обработки металлов резанием (ХОМР), то после службы пришлось заниматься электротехникой (сам техникум был перепрофилирован).

Учебу продолжил по специальности «конструирование радиотехнической аппаратуры». Знакомство с теорией, соседствующее с практической работой на станках и в мастерских, заложило определенные навыки на всю жизнь. Окончание техникума с отличием способствовало, в какой-то степени, моему трудоустройству в Западно-Сибирский филиал Академии наук и одновременно позволило поступить на заочное обучение в филиал Московского энергетического института. Вскоре был открыт в НЭТИ филиал МЭИ, где я и закрепился на вечернем отделении радиотехнического факультета. Эта форма обучения мне больше пришлась по душе, дисциплинировала, позволяла вживую общаться с преподавателями.

— Юрий Николаевич, а что вам дала служба в армии? Где вы служили?

— Это была отдельная школа жизни. В 1951 году меня призвали на флот, в бригаду торпедных катеров Камчатской военной флотилии. Там я провел 5 лет. Я попал в группу, обслуживающую автономный режим торпедных катеров, без экипажа, по радиоуправлению. Это было секретное в то время оборудование, установленное на легендарные торпедные катера типа Г-5, использовавшиеся в войне с фашистами. Катера имели два двигателя по 2500 л/с, заправка — чистейший бензин, скорость — 60 узлов (это около 100 км/час). Их внешний вид напоминал ракету, торпеды укладывались в кормовых желобах и сбрасывались в воду по ходу катера, который успевал маневрировать от направления торпед. Радиоуправление шло с ведущего корабля, в те времена на флоте вертолетов не было. Блоки различного назначения представ-

ляли в своей «сердцевине» уникальные технические достижения того времени. Это впечатление не исчезло до сих пор, несмотря на чудеса современной схемотехники, и вызывает гордость за нашу страну, её специалистов. Общение с техникой такого уровня сложности дало базу для дальнейшей жизни.

— Юрий Николаевич, а как получилось, что вы стали учёным-геофизиком?

— После окончания техникума нас, группу выпускников, направили трудоустроиваться в авиационный институт (возле Чкаловского завода), но оказалось, что нас там не ждали, у них не было вакансий. А поскольку Геологический институт Западно-Сибирского филиала Академии наук находился рядом с моим жильём, я решил попробовать устроиться туда. В итоге меня приняли в лабораторию абсолютного геологического возраста лаборантом, где я и проработал некоторое время, вплоть до открытия Сибирского отделения. И в 1959 году наша лаборатория в полном составе была принята в Институт геологии и геофизики СО РАН.

— Как проходили первые годы работы в институте?

— Я был привлечен на работы, связанные с разработкой радиочастотных масс-спектрометров. В лаборатории исследовались образцы пород по методикам изотопного анализа с использованием масс-спектрометров. Также масс-спектрометры использовались для исследования верхних слоёв атмосферы (в то время начались космические исследования, и это была закрытая тема). Нужны были анализаторы для изучения состава газов в околоземном пространстве. Одним из таких приборов и стал компактный радиочастотный масс-спектрометр (РМС). Этими исследованиями занималась небольшая группа бывших фронтовиков — Евгений Федорович Доильницын и Анатолий Иустинович Трубецкой, Мира Яковлевна Щербакова.

Схемотехника для РМС и стала темой моего диплома на звание инженера. В 1963 году я закончил институт, наша научная группа завершила исследования, связанные с масс-спектрометрами, распалась, и руководитель группы А.И. Трубецкой перешёл в Институт математики, пригласив меня с собой. Не прошло и двух недель, как раздался звонок из ИГиГ. Андрей Алексеевич Трофимук интересовался, почему я ушёл в Институт математики (инженер, который только-только начал работать!). Я ответил, что ушёл вслед за руководителем. Он порекомендовал мне вернуться в конструкторское бюро института, на должность инженера. Я с радостью согласился и с 1963 года вся моя последующая деятельность связана с лабораторией электромагнитных полей.

Руководитель лаборатории Дмитрий Сергеевич Даев предложил мне поучаствовать в разработке аппаратуры для нефтегазовых скважин, так называемого дизлектрического индукционного каротажа (ДИК). Тео-

рия метода показывала, что поскольку вода более чем на порядок отличается от аналогичных свойств нефти и тем более газа, то измеряемые поля способны разделить коллекторы, насыщенные водой или нефтью. Индукционный подход для такого рода исследований был применён впервые. Промежуточным итогом этих исследований стали научно значимые результаты, которые обогатили наше представление о породах и взаимосвязях свойств пород с измеряемыми характеристиками электромагнитного поля.

И вот Д.С. Даев возвращается в Москву, откуда он и приехал в Академгородок. Я решил, что пора искать новую работу, но его коллега, профессор Александр Аркадьевич Кауфман предложил остаться и продолжить эту тематику. Я считаю Александра Аркадьевича своим учителем, особенно в области теории методов. Хотя я неплохо знал техническую сторону, теория была очень полезна. Я посещал курс его лекций в НГУ, посвященный электроразведке, теории электрометрических методов.

В 1968 году я защитил кандидатскую диссертацию по возможности ДИК. Аппаратура была опробована нами на скважинах, мы часто ездили в экспедиции, в основном в восточную часть европейской территории СССР — это Пермь, Печора, Башкирия, Татария, нефтеносные районы Саратов.

Сейчас получить доступ к скважине очень сложно, а в те времена перед нами были открыты все пути, достаточно было вооружиться письмом от А.А. Трофимюка. В 1972 году А.А. Кауфман эмигрировал в США, и по рекомендации Э.Э. Фотиади я стал заведующим лабораторией.

К счастью, в лаборатории остались выпускники НГУ, новое поколение: Леонтий Абрамович Табаровский, Михаил Иванович Эпов, Юлий Александрович Дашевский и другие, прошедшие школу Кауфмана и остальных корифеев нашего института. Этот костяк, по существу, обеспечивал существование лаборатории, а моя задача была — не мешать им. И, в случае чего, защищать. Наша аппаратура, наши методы на сегодняшний день широко используются как в России, так и за рубежом. Но научный поиск продолжается, со временем сотрудниками нашей лаборатории были сформулированы электродинамические и геометрические принципы подбора для системы электромагнитного зондирования. Начался долгий и трудный процесс в создании метода ВИКИЗ. В 1975—79 гг. были получены авторские свидетельства на изобретения новых средств детального зондирования околоскважинной среды. Создатели и разработчики прибора были отмечены наградами выставки ВДНХ. Мне вручили Золотую медаль. Серебряными медалями были награждены сотрудники партии (С.С. Жмаев, В.П. Снопков и др.).

После того как я защитил докторскую диссертацию, Э.Э. Фотиади рекомендовал меня в качестве завкафедрой геофизики в НГУ. К тому времени у меня уже имелся небольшой опыт чтения лекций по вопросам нефтепромысловой геофизики. Вскоре же Сергей Васильевич Крылов пригласил меня на должность заместителя по научной работе в дирекцию Института геофизики. Кроме того, я уже был членом редколлегии журнала «Геология и геофизика». Моя научная активность, безусловно, страдала, но что поделать, кто-то должен и этим заниматься.

— Как вам живётся в Городке?

— Я здесь уже 50 лет. Припоминаю, когда в первые годы существования Городка мы приезжали сюда, мечтали, как будем выходить на природу, беседовать, фантазировать. К сожалению, современный ритм жизни, жизненная суета привели к тому, что это происходит крайне редко. Хотя, когда возвращаешься, например, из командировки, замечаешь, в каком прекрасном месте ты живешь. Правда, сейчас стало много народу, транспорта, но всё равно это — оазис...

— Вы так прекрасно выглядите, занимаетесь спортом?

— Долгое время ходил в ДУ СО РАН, в секцию бадминтона, занимался лыжами. Сейчас стараюсь делать зарядку по системе японского профессора Кацудзо Ниши. По возможности совершаю пешие прогулки.

— Юрий Николаевич, сформулируйте, пожалуйста, свои основные жизненные принципы.

— Самое главное, в жизни, на мой взгляд — любить людей и по возможности им помогать. Быть к ним добрым.

Е. Садыкова, «НВС»